
Хавьер Буэнростро (Мексика)

Ключи к пониманию выборов в Мексике

Автор предлагает рассматривать президентские выборы в Мексике, назначенные на июль 2018 г., как референдум, на котором гражданам предстоит сделать выбор между сохранением статус-кво, олицетворяемым PRI или PAN, и перемнами, которые способны провести движение MORENA во главе с Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором — антисистемным политиком, обличающим коррупцию и неолиберальный экономический курс страны.

Ключевые слова: президентские выборы, Мексика, неолиберализм, смена власти, преемственность.

I. ЛЕВЫЕ И ОППОЗИЦИЯ

Прежде всего скажем то, что все на свете и так знают, но что будет не лишним отметить, чтобы не вступать в бесплодные дискуссии. В Мексике, как и в любой стране мира, не существует одного типа левых, но есть различные их вариации и разновидности. Одни более прогрессивны, другие более прагматичны, третьи больше теоретизируют, нежели действуют, и так далее и тому подобное. Появление и успех партии «Podemos» в Испании и ее самоопределение как политической силы, не левой и не правой, но апеллирующей к социальному большинству и к дихотомии диктатура — демократия, еще больше разнообразили политическую лексику.

В настоящее время различные политические группы и гражданские объединения причисляют себя к левым, хотя у них не так уже и много общего ни в планах, ни в программах, ни в форматах политического участия.

Институционно-революционная партия (Partido Revolucionario Institucional, PRI) с 1980-х годов придерживается неолиберального курса и поддерживает контакты с такими международными финансовыми организациями, как Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ) или Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Заметим, что она также входит в Социалистический интернационал (Социнтерн).

Хавьер Буэнростро — обозреватель RT, исследователь исторического факультета Автономного национального университета Мексики и McGill Univer (@BuenrostrJavier).

Партия демократической революции (Partido de la Revolución Democrática, PRD), также являющаяся членом Социнтерна, потеряв идентичность и курс, превратилась в статиста для **Партии национального действия (Partido Acción Nacional, PAN)** — политической организации, которая традиционно вбирает в себя правых, консерваторов и предпринимателей.

Андрес Мануэль Лопес Обрадор

В возглавляемое Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором **Движение национального возрождения (Movimiento de Regeneración Nacional, MORENA)** входят бывшие члены Коммунистической партии (Partido Comunista, PC), Объединенной социалистической партии Мексики (Partido Socialista Unificado de México, PSUM) и Революционной партии трудящихся (Partido Revolucionario de los Trabajadores, PRT). Поддержку MORENA выражают различные профсоюзы и гражданские объединения социального и народного характера. Недавно движение критиковали за принятие в его ряды нескольких предпринимателей и руководителей, связанных со СМИ. Идеологические пуристы обычно указывают на консерватизм Лопеса Обрадора по ряду конкретных тем, не учитывая при этом, что прогрессивные взгляды на тот или иной вопрос не делают тебя левым, если ты придерживаешься неолиберальной политики, которая нанесла большой вред почти всем слоям населения.

При этом совершенно верно то, что Лопес Обрадор не является левым с точки зрения дискурса. В большинстве речей и даже в его последней книге «2018: Выход. Упадок и возрождение Мексики» трудно найти слово «левые». Вместо этой политической категории Лопес Обрадор неоднократно ссылался на две другие: «национальное» и «народное». Он не выдвигает левых или социалистических схем или теорий, как это делали Фидель Кастро или Уго Чавес; он оперирует категорией национально-народного, примерно так же, как это делал Ласаро Карденас, на которого Лопес Обрадор ссылается постоянно.

От кубинской или венесуэльской политики Лопеса Обрадора отличает то, что он не придерживается антикапиталистического или социалистического дискурса. В фокусе его программы в последние годы и даже десятилетия — обличение коррупции и неолиберальной экономики. По сути, антикоррупционное знамя не является идеологическим, так как эта тема входит в программы всех политических партий и секторов, даже

предпринимательских, хотя в большинстве случаев это пустые разговоры: ведь многие из представителей бизнес-кругов или правых сил, обличающие коррупцию, были основными бенефициарами сделок между политиками и бизнесменами.

У Лопеса Обрадора нет ни партизанского прошлого, как у других латиноамериканских лидеров (Рауль Кастро, Даниэль Ортега, Хосе Мухика, Альваро Гарсиа Линера), ни военного (Уго Чавес). Лопес Обрадор должен выбирать между диктатурой и демократией, как и «Podemos» в Испании. Но источником вдохновения для него служит не эта испанская политическая организация, а программа Мексиканской либеральной партии (Partido Liberal Mexicano, PLM), опубликованная в 1906 г. Один из ее авторов, Рикардо Флорес Магон, является примером и авторитетом для Лопеса Обрадора, наравне с президентами Бенито Хуаресом (1852—1872) и Ласаро Карденасом (1934—1940). За пределами Мексики единственной международной фигурой, на которую ссылается Лопес Обрадор, является Сальвадор Альенде.

С другой стороны, Лопес Обрадор постоянно говорит об этике и морали в обществе, где высшей ценностью почитаются деньги. Он говорит о моральном возрождении и о том, чтобы вернуться к коллективным формам общежития, которые позволили бы достичь всеобщего блага вместо материального и индивидуального успеха. Моральное возрождение, по Лопесу Обрадору, соответствует христианской этике, а не социалистическим идеям нового человека Че Гевары, а всеобщее благо и коллективное общежитие — наследие не коммунизма или социализма, а христианского универсализма. Мораль Лопеса Обрадора питается из того же источника, из которого подпитывалась этика освобождения Энрике Дуссела, советника MORENA.

Таким образом, политический проект Лопеса Обрадора — это не левый проект, выросший из марксизма или классического социализма (Куба, Венесуэла), или из профсоюзной политической организации (Боливия, Бразилия). Точно так же, как в определенный момент в постреволюционной PRI сошлись либералы, социалисты и националисты, проект Лопеса Обрадора носит национально-народный характер, в котором сходятся бывшие партизаны, синдикалисты и социалисты, а также либералы, христианские демократы и националистически настроенные предприниматели. Здесь очевидно влияние Ласаро Карденаса. Лопес Обрадор никогда не стремился к голосам только левых и не предлагал создать правительство, которое будет выражать интересы только этого политического течения; он формирует социальное большинство, обращаясь ко всем секторам общества и в первую очередь к тем, кому не находится места при неолиберальной политике. Лопес Обрадор — антисистемная фигура в большей степени, чем левые.

Два последних электоральных процесса, которые могли привести к смене режима и которые прошли с многочисленными нарушениями, носившими характер фальсификации, были отмечены не столько левым, сколько в целом антисистемным голосованием. В 2006 г., как и в 1988 г., голосова-

ли не только за левых и не только за конкретных людей; в обоих случаях многие, не отождествляя себя с левыми, голосовали за то, что, по их мнению, олицетворяло альтернативу режиму. Как *неокарденизм*, так и *лопес-собрадоризм* смогли вырасти в большей степени за счет антисистемности, нежели за счет левых взглядов. Чтобы достичь успеха в 2018 г., Лопес Обрадор должен апеллировать к голосам не левых избирателей, довольно ограниченных с точки зрения идеологии, а к голосам антисистемного электората, в котором отразится большинство общества.

II. КОРРУПЦИЯ ИЛИ ПЕРЕМЕНЫ. РЕФЕРЕНДУМ ОППОЗИЦИИ

Когда в 2000 г. Висенте Фокс из PAN, консервативной и предпринимательской партии, говорил о том, чтобы отнять власть у PRI, многие ждали изменения политического режима. К сожалению, электоральная смена не отразилась ни на структурах власти, ни на государственной политике. Произошла смена политической эмблемы, но режим остался прежним, а демократический транзит в Мексике — это процесс всегда неудачный или в лучшем случае незавершенный. По крайней мере с 1989 г. действует прагматичный альянс между PRI и PAN, которые сменяют друг друга во власти, не меняя неолиберального курса, принесшего пользу очень немногим и вред большинству общества. Мексиканская демократия этого периода (1989—2017) очень напоминает «договорную демократию» в Боливии (1985—2003): элитарные правительства, для которых демократия — лишь лейбл, с которым они идут на выборы или формируют коалиционные правительства.

Предвыборная кампания будет основана на своего рода референдуме: преемственность или перемены. В 2000 г. Фокс пообещал перемены и не сдержал слово. В 2006 г. Фокс сказал, что не нужно менять коней на переправе, то есть, следовало сохранить преемственность системы. И преемственность принесла нам 120 тыс. смертей во время правления пришедшего ему на смену Фелипе Кальдерона из PAN. В 2012 г. Фокс открыто поддерживал Пенью Ньето из PRI, а Кальдерон бросил на произвол судьбы кандидату из своей партии, фактически заключив альянс с PRI, чтобы помешать росту популярности Лопеса Обрадора. Преемственность принесла нам еще 120 тыс. смертей во время правления Пеньи Ньето, а также продолжение экономической стагнации и падения покупательной способности, которые были константой с 1989 г.

Большой разницы между PRI и PAN нет. Основами государственной политики обеих партий всегда были «гатопардизм» (изменять все, чтобы ничего не изменилось) и коррупция. На референдуме предстоит выбрать между преемственностью и переменами, центральной темой для Лопеса Обрадора будет коррупция, являющаяся олицетворением преемственности. Неудивительно, что это будет основная тема оппозиции и левых, так как в настоящее время коррупция — главный балласт страны, идущий рука об руку с насилием, захлестнувшим каждый ее уголок. В 2016 г. Мексика, по

данным «Transparency International», была самой коррумпированной страной из входящих в ОЭСР, а в 2017 г. Всемирный экономический форум расположил Мексику на десятом месте среди самых коррумпированных стран мира.

Программа Лопеса Обрадора не предусматривает грандиозных инноваций в политике, но предлагает перемены в этике общественной жизни, в распределении государственных расходов, в экономике, привязанной к неолиберализму. Лидер MORENA видит в нынешнем режиме, основанном на сговоре PRI и PAN, новую версию диктатуры Порфирио Диаса. Неолиберальный режим он приравнивает к *неопорфиризму*, и единственный выход — это возрождение общественной морали, как в свое время утверждали братья Магон. В модели нации, которую предлагает Лопес Обрадор, прежде всего выдвигается идея о том, чтобы покончить с системой коррупции и сговоров. Это будет первым шагом, который позволит выйти за рамки политических перемен, которые, тем не менее, дают практически одинаковые результаты.

Лопес Обрадор не использует ортодоксальный левый дискурс и не предлагает нововведений в политэкономии. Он апеллирует к здравому смыслу социального большинства и к этическим качествам, которыми должен обладать руководитель и которыми он должен делиться с народом. «Не поддаваться коррупции на посту и не красть из государственной казны» — это не просто слоган кампании, он отражает образ жизни и правления, а также то, как планируется осуществлять государственную политику. Каждый раз, когда Лопес Обрадор предлагает переориентировать госрасходы на всеобщую пенсионную систему, здравоохранение и образование, государственные инвестиции и другие программы, его противники отвечают ему, что это — популизм, и что для этого потребуется вогнуть страну в долги. Экономисты режима спрашивают, откуда взять деньги. Ответ Лопеса Обрадора тот же, что и 12 лет назад, но сегодня он актуальнее, чем когда либо: «Денег достаточно, главное — избежать воровства коррумпированных политиков».

В последнем правительственном отчете (2017 г.) Пенья Ньето говорил точно так же, как и Висенте Фокс в 2006 г., хотя и не использовал аналогии с конем посреди переправы. Он заявил, что выбор очевиден: «продолжать созидать, чтобы сделать из Мексики одну из мировых держав XXI в., или вернуться к модели прошлого, которая уже потерпела крах». Взгляды Лопеса Обрадора и Пеньи Ньето на выборы очень схожи, разница лишь в акценте на предпочтительном пути: преемственность или перемены. Пока Лопес Обрадор делает акцент на преемственности как на синониме коррупции. Правящий режим старается ассоциировать Лопеса Обрадора, как и в 2006 г., с проектом экономической и политической неопределенности, ставя на него клеймо популиста и авторитарного политика, который стремится к курсу, схожему с венесуэльским, хотя для этого приходится перевирать контекст и даже фальсифицировать информацию.

III. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ ВЕНЕСУЭЛЬСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ПОПУЛИЗМ

В 1935 г. компания «Gallup», исследующая общественное мнение, начала задавать респондентам вопросы о поддержке президента США. С тех пор это стало методом оценки деятельности главы государства и уровня его популярности. В Мексике большинство таких компаний указывали, что президент Пенья Ньето начал правление с рейтингом в 55-60%, но со временем его рейтинг обрушился и составляет сегодня всего 15-20%, что означает падение более чем на 40%.

Эти 15-20% совпадают с электоральными предпочтениями сторонников PRI, партии Пеньи Ньето. Мы можем утверждать, что это — «твердые голоса» сторонников PRI, которые всегда верны партии, даже если корабль идет ко дну. Режим сегодня находится на третьем месте по электоральным предпочтениям, в которых лидирует Лопес Обрадор с порядка 30% голосов, что соотносится с полученными им ранее результатами: 35,29% в 2006 г. и 31,57% в 2012 г. То есть твердых голосов у Лопеса Обрадора в два раза больше, чем у PRI.

Правящая партия знает, что изменить настроения ее «твердого электората» в ту или иную сторону очень сложно. Ни PRI, ни Лопес Обрадор много не потеряют. Борьба развернется за голоса волатильного электората, который составляет порядка 30% избирателей, их голоса распределятся в зависимости от успеха или неудачи предвыборных кампаний. PRI, партия с наибольшим показателем неодобрения, знает, что убедить избирателей в ее достоинствах практически невозможно, а потому будет в своей кампании опираться на то, что умеет лучше всего, — запугивать население оппозиционным кандидатом.

Этот дискурс стал очевиден с 2006 г. Если победит Лопес Обрадор — говорили нам политики из правящей партии, — начнутся экономический упадок, этатизация компаний, ущемление свобод, наступит конец демократии и правового государства. Доказательства не приводятся, есть только голословные утверждения. СМИ говорили о «венесуэлизации Мексики». В 2006 г. видеоролик кампании PRI содержал исковерканные фрагменты выступлений Уго Чавеса и протестов в Венесуэле с одной единственной увязкой в конце — с Лопесом Обрадором. В официальном дискурсе оппозиционный кандидат плох не потому, что он такой, какой есть, а потому, каким он может стать — подобным Уго Чавесу.

Заявления, которые делаются не к месту и искажают действительность, сегодня только умножились. Национальный руководитель PRI Энрике Очоа утверждал, что в случае победы Лопес Обрадор пойдет по пути Северной Кореи или Венесуэлы, по «авторитарной популистской модели». Хосе Антонио Меаде, министр финансов и один из главных кандидатов от PRI, некоторое время назад также заявил (не говоря напрямую о Лопесе Обрадоре), что модели, при которых руководящая роль принадлежит государству, подобны венесуэльскому и северокорейскому режимам. Никаких оттенков, никаких уточнений, никакой дипломатии. Следующим обвине-

Хосе Антонио Меаде

нием против оппозиции может стать то, что в штабах их предвыборных кампаний хранится оружие массового поражения.

Этот дискурс зародился в 2006 г. с легкой руки испанского публициста Антонио Сола Рече, с молодых лет состоявшего в Народной партии (Partido Popular, PP), в которой после падения диктатуры укрывались испанские правые, консерваторы, франкисты. А.Сола Рече занимался политическим консалтингом в различных странах, среди которых Мексика, Аргентина, Перу и Гватемала. Эти стратегия и дискурс носят

международный характер, так как они одинаково применялись в Аргентине, Перу, Эквадоре или Мексике. Даже в настоящее время в Испании укрепляющуюся силу, представленную «Podemos», критикуют за ее «связи» с Венесуэлой, Ираном и Россией, причем без каких-либо доказательств.

Никаких объяснений не предусмотрено ни в отдельно взятой стране, ни в международной дипломатии. Этот консервативный дискурс сродни предвыборной стратегии Дональда Трампа в США и феномену постправды или «лженовостей».

В Мексике «грязная война», как называли предвыборную стратегию, основанную на внушении страха посредством вымышленных фактов или гипотетических будущих действий политических акторов, имеет как психологические, так и социологические корни. Как утверждал французский этнограф и социолог Марсель Мосс, мифомания, сумасшедшие суждения и фанатизм — это элементы, присутствующие в коллективном психозе. Иррациональное превращается — внешне — в рациональное благодаря коллективным психозу и истерии. Режим делает ставку на страх перед неизвестным, перед гигантскими кальмарами и другими морскими чудовищами, чтобы не пустить нас даже выйти из бухты. Сколько раз этот страх превращался в единственный аргумент статус-кво, чтобы попытаться избежать социальных преобразований? Преемственность и статус-кво, как утверждает правительство Пеньи Ньето, — единственно безопасный и спокойный вариант госуправления. Нам говорят о патернализме государства, но внушают страх, чтобы не дать нам покинуть лоно рыночной безопасности, как будто оно существует.

Кроме смехотворного и катастрофического призыва избежать повторения участи Венесуэлы и Северной Кореи, предвыборный дискурс режима направлен на то, чтобы очернить политику и политиков, что довольно легко сделать в свете потери последними всякого престижа. Фраза «все мы одинаковы» может показаться обобщающей, но она выгодна только правящему режиму. Она создает препятствие для гражданского и электораль-

ного участия и ослабляет активность общества. PRI не заинтересована в том, чтобы демонстрировать свои достоинства, она знает, что это —дохлый номер. Она всеми способами будет очернять оппозиционных и независимых кандидатов, иногда с аргументами, а в большинстве случаев без таковых. Речь идет не о том, чтобы выставить кандидатов режима честными людьми, а о том, чтобы представить всех остальных такими же коррупционерами, как и они сами. «Клеветщи, и что-нибудь да останется» — народная поговорка и электоральная методология правительства.

Оппозиция утверждает, что выборы 2018 г. — это референдум между преемственностью и переменами, и правящая партия смотрит на выборы точно так же. Но выбор для правительства — не между коррупцией и переменами, как говорит оппозиция, а между преемственностью и «венесуэлизацией», а теперь еще и «северокореизацией». Для режима лучше голосовать за кандидата, придерживающегося идеи главенства рынка и ортодоксального экономического неолиберализма, чем за кандидата, который рассуждает в категориях национально-народного. Правящий режим говорит нам, что путь долгий, очень долгий, но верный. Они говорят нам это уже 10, 20, 30, 50 и даже 100 лет, и мы все еще не можем выбраться из начального этапа этого проекта, который кажется таким же долгожителем, как и тысячелетняя Священная Римская Империя.

Может, это излишний скептицизм, но как говорил экономист Кейнс, единственное, что можно сказать точно, так это то, что «в долгосрочной перспективе все мы будем мертвы».

IV. УТОПИЯ ПРАВЫХ — КАК ЗАВОЕВАТЬ ВЛАСТЬ, НЕ ПОТЕРЯВ ПАРТИЮ

В преддверии президентских выборов в Мексике 2018 г. самый заметный пример правых — PAN, где десятилетиями сосуществовали консерваторы, предприниматели, синархисты*, кристерос**, католические гуманисты, фашисты и христианские демократы. Сейчас эта партия переживает раскол, который практически означает окончательный удар по ее президентским амбициям.

Вот уже два года как Рикардо Анайя (национальный руководитель PAN) и Маргарита Савала (супруга экс-президента Фелипе Кальдерона) с головой погрузились в беспощадную борьбу за контроль над партией и выдвижение на президентских выборах от консервативных сил. Недавняя стычка между обеими группировками завершилась выходом М.Савалы из PAN, в которой она состояла более 30 лет, с целью пойти на президентские выборы в качестве независимого кандидата, что, несомненно, расколел «твердый электорат» консерваторов.

* Синархисты — сторонники общественного движения, прилагающего оккультские мировоззренческие установки к политике.

** Самоназвание мятежников от исп. *Cristo* (Христос), боровшихся против ограничения роли Римско-Католической церкви в Мексике.

Рикардо Анайя и Маргарита Савала

По данным большинства предвыборных опросов за PAN собираются голосовать 18-20% избирателей. Это самый низкий уровень поддержки партии за последние 30 лет, что обусловлено разочарованием и нулевыми результатами правления Висенте Фокса и Фелипе Кальдерона. Добавим к этому, что, хотя М.Савала и покинула PAN, внутри партии остается ближайшее окружение Кальдерона (пять сенаторов) и экс-губернаторы, которые поддерживают ее и на выборах будут работать на нее. При этом не будет большой дерзостью полагать, что Савала получит около 8% традиционного электората партии, обиженного на ее национального лидера. Так, PAN останется с 10-12% голосов — из-за их территориальной структуры партии, а также из-за отсутствия у Рикардо Анайи всякой харизмы.

Эти братоубийственные схватки среди правых не новы. В электоральном процессе 1976 г. произошла похожая конфронтация между Эфраином Гонсалесом Морфином (представителем традиционного течения в PAN) и Хосе Анхелем Кончельо (выходцем из предпринимательских кругов и обновленцем). Это столкновение вылилось в неспособность прийти к согласию в вопросе о выдвижении кандидата в президенты, в результате чего PAN выпала из президентской гонки. С тех пор «завоевать власть, не потеряв партию» — эту фразу приписывают умершему в 2016 г. старейшему руководящему деятелю PAN Луису Альваресу — стало главной аксиомой партийного руководства. Но в настоящее время как Савала, так и Анайя, вкладывают в эту фразу новый смысл, и, хотя изначально они опираются примерно на одну и ту же группу сторонников, «дорожная карта» ведет этих политиков совершенно разными путями.

Путь Рикардо Анайи: завоевать партию и проиграть власть

По иронии судьбы руководитель PAN пошел по стопам Кальдерона в конфронтации последнего с его супругой. Рикардо Анайя завладел партией и, несмотря на всю критику в его адрес, показал, что его амбиции столь же велики, как и его цинизм. 38-летний юрист стал известен из-за финансовых нарушений и личных расходов, которые совершенно не соотносятся с его доходами.

Но «волшебство» Анайи не ограничивается вопросом личных финансов. Он создал политический альянс с двумя другими политическими силами, включая утратившую престиж левоцентристскую партию PRD. Анайя настаивает на том, чтобы стать кандидатом этой политической коалиции и оправдать доминирующие позиции PAN в этом союзе *sui generis*. А чего стоит этот альянс? В общих чертах он может набрать между 18 и 21%. Проблема в том, что сумма будет складываться не автоматически. Сколько избирателей, придерживающихся левоцентристских взглядов, потеряет коалиция, если ее возглавит консервативный политик, к которому есть вопросы относительно его необъяснимого обогащения? Сколько консерваторов поддержат Маргариту Савалу, если ее объединение возглавит какой-нибудь утративший престиж левоцентристский политик?

В обоих случаях потеря 2-3% не кажется чем-то нелепым, в итоге эта предвыборная коалиция добьется технической ничьей с PRI, которая сегодня при любых раскладах занимает третье место. Кажется, что Анайя, в случае его выдвижения от PAN, получит наименьший за 30-летнюю историю этой партии процент голосов консервативного электората и наберет порядка 16-19%.

Путь Маргариты Савалы: проиграть партию, чтобы выиграть власть

Савала идет совершенно иным путем, нежели Анайя. Хотя она занимала государственные посты, как и нынешний руководитель PAN, Савала никогда не выигрывала их по итогам прямого народного голосования. Ни один из них ни на одну должность не был избран демократическим путем, народным голосованием. Но функция супруги экс-президента на политической шахматной доске совершенно иная.

Имея 8% голосов, она заинтересована в первую очередь в привлечении большего числа сторонников, придерживающихся правых и/или консервативных взглядов. Савала по-прежнему будет обращаться к членам PAN, потому как ее победа — это прямое поражение Анайи. Но ближайшее окружение экс-президента Кальдерона, среди которых пять сенаторов, начало действовать, делая ставку на тотальную поддержку роста популярности Маргариты Савалы против Рикардо Анайи, но при этом постоянно находясь на службе интересов PRI.

Если Савала по ходу кампании будет набирать по 1% в месяц (без территориального влияния маловероятно, что она будет набирать больше), то

к концу апреля она сможет достичь 12%, что пока еще далеко от лидера гонки, но она отнимет 4% у Анайи. Миссия Савалы в этой шахматной партии подобна задаче коня: это непростая фигура, ее движения иногда трудно понять, но она всегда готовит внезапные атаки с тем, чтобы удар нанесла какая-нибудь другая фигура.

Цель Савалы — не выиграть выборы, а чтобы Анайя проиграл второе место и чтобы на него взошел кандидат от PRI. Вероятнее всего, это будет Меаде, который занимал пост министра финансов в правительстве ее мужа, единственный чиновник высокого уровня, перешедший из правительства Кальдерона в правительство Пеньи Ньето, университетский друг Эрнесто Кордеро, шахматного «офицера» Кальдерона, который сейчас возглавляет сенат благодаря поддержке сенаторов от PRI и вопреки пожеланиям законодателей из его собственной партии.

Так, ключевым предвыборным месяцем будет май. Цель PRI — не возглавить опросы в январе или феврале, ее задача — в последующие четыре или пять месяцев обойти на втором месте противоестественную коалицию правых и левоцентристов — PAN и PRD. Если в мае PRI расположится на втором месте, Савала и кальдеронисты могли бы отклониться от курса и начать действовать в пользу своего кандидата.

V. ЗАВЕДЕНИЕ НИКОГДА НЕ ПРОИГРЫВАЕТ; ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И СУДЕЙСТВО

Город Лас-Вегас в США знаменит в первую очередь двумя вещами — казино и боксерскими поединками. Я не большой поклонник бокса, но даже непосвященные вроде меня знают, что справедливость оценок судей из Лас-Вегаса всегда вызывает сомнения. Все смотрят бой, а результат оказывается несоответствующим увиденному, что порождает спекуляции о договорных боях из-за связи судей с казино и букмекерскими конторами.

Многие электоральные поединки по всему миру напоминают Лас-Вегас. Оппозиция, чтобы победить, в большинстве стран должна сделать это с крупным отрывом, по меньшей мере в 5%. Победы оппозиционеров должны быть сокрушительными. А вот правящий режим, напротив, может победить или продемонстрировать, что победил, с перевесом в один голос. Неважно, что все мы видим очевидного победителя сражения, руку победителя поднимают судьи в соответствии с их решением. Как и в Лас-Вегасе, нет необходимости в том, чтобы все контролировать, достаточно иметь в списке своего судью, и чтобы тебе подарили пару баллов — и результат разойдется с реальностью.

В Мексике это произошло в 1988 г. и в 2006 г. Официальные результаты серьезно разнились со всеобщим восприятием. Широкие массы населения были уверены в том, что в обоих электоральных процессах имела место фальсификация; много и тех, кто, пусть и не в столь резких выражениях, указывают на несправедливость и неточность этих выборов. В 2012 г. зафиксированы огромные растраты средств на президентскую кампанию, связанные с покупкой голосов,

при которой в обмен на голоса даже раздавались дебетовые карты с деньгами. Электоральные судьи, как и в 2006 г., наказали нарушителей простыми экономическими штрафами. В том же году региональные победы в штатах Коауила и Мехико были обеспечены за счет двух ключевых элементов: избыточных расходов средств, выделенных на продвижение и покупку голосов, и главенствующей роли судей в обеспечении электорального триумфа. Электоральные судьи превратились в ходе выборов в стрелку весов и оттеснили граждан как ключевых действующих лиц демократии.

Луис Карлос Угальде, бывший советник-председатель Национального электорального института (Instituto Nacional Electoral, INE), признает, что в большинстве предвыборных кампаний партии превышали лимиты расходования средств, но в нынешней ситуации INE практически не может продемонстрировать превышение лимита расходов на кампании, а кроме того, у института нет полномочий наказывать за эти нарушения. В таком случае, кто еще может наказывать за неправомерные действия? Еще есть Избирательная прокуратура по электоральным нарушениям (Fiscalía Electoral para Delitos Electorales, FEPADE), руководитель которой назначен сенатом, при этом он зависит от Генеральной прокуратуры Республики (Procuraduría General de la República, PGR).

Недавно случилось так, что ответственный за направление представитель PGR, невзирая на сенат, отстранил от должности руководителя FEPADE, по всей видимости, за то, что тот был человеком неудобным и не столь податливым в расследовании дела экс-руководителя компании «Pemex» Эмилио Лосойи. Предполагалось, что Э.Лосойа был замешан в коррупционных сделках с «Odebrecht», проводившихся с целью обеспечения финансирования кампании кандидата в президенты от PRI Пеньи Ньето. В других странах за дело «Odebrecht» были бы наказаны президенты и экс-президенты, но в Мексике наказывают лишь тех, кто занимается расследованиями. Не очень хороший знак. Теперь, похоже, следующий избирательный прокурор поймет, чего от него ждут на посту: чтобы в случае нарушений со стороны правящей партии в ходе выборов смотрел в другую сторону.

В редких случаях, когда INE и FEPADE проявляют интерес и фиксируют нарушения, связанные с финансированием партий или превышением лимитов на кампании, всегда можно обратиться к высшей инстанции — Избирательному трибуналу судебной власти Федерации (Tribunal Electoral del Poder Judicial de la Federación, TRIFE). Последний «шедевр» он недавно подарил нам на выборах в Коауиле, когда подтвердил, что PRI на 9,2% превысила лимит расходов на кампанию, в связи с чем INE потребовал объявить голосование недействительным и созвать новые выборы. Ничего подобного не произошло. TRIFE объявил победителем кандидата от PRI, несмотря на протесты общественности, оппозиционных партий и самого INE.

Если мы возьмемся перечислять все электоральные нарушения, совершаемые по всему миру судьями в пользу правящих партий, то им не будет конца. Чтобы не углубляться, напомним о роли, которую играет Верховный избирательный суд (Tribunal Supremo Electoral, TSE) в Гондурасе, где

с его помощью пытается переизбраться Хуан Орландо Эрнандес. В Мексике PRI делает ставку на техническую ничью в день выборов, а потом на решение, которое должно быть принято в офисах электоральных арбитров и судей, — «золотых» бюрократов с заработной платой от 8 до 16 тыс. долл. в месяц, которые в большинстве случаев обязаны своим назначением конгрессу, находящемуся под контролем PRI. Не нужно быть ни пророком, ни излишне предвзятым, чтобы понять, в какую сторону склоняется чаша весов. Кроме того, если судебная система в Мексике является одной из худших в мире (из 1 тыс. преступлений, по данным Национального института статистики и географии, 998 остаются безнаказанными), то с какой стати электоральное правосудие должно быть лучше?

Независимо от нарушений в ходе выборов или посправа правового государства судьи, принимающие решение об исходе схватки, могут склониться к послевыборным штрафам, выговорам или требованиям изменить те или иные правила игры, но только после того, как будет объявлен победитель, а букмекерские конторы заберут выигрыш. Оппозиция не сможет победить на основании решения жюри или судьи, она сможет победить только «нокаутом», т.е. преодолев техническую ничью в 3-5%, и она об этом знает. Иначе решение о результате выборов будет приниматься судьями, большинство из которых так же справедливы и беспристрастны, как и судьи на боксерских поединках в казино Лас-Вегаса. Нужно помнить, что заведение никогда не проигрывает, а если вдруг и проигрывает, то заберет себе выигрыш силой.

Javier Buenrostro (@BuenrostrJavier)

RT columnist, researcher of the Faculty of History of the Autonomous National University of Mexico and McGill Univer

Keys to understand the elections in Mexico

Abstract. The author offers to consider the Mexican presidential elections of 2018 as a referendum, where the citizens shall choose between status quo, represented by the PRI or PAN parties, and changes, that the MORENA movement is able to put into effect under the direction of Andrés Manuel López Obrador, antisystem politician, criticizing corruption and neoliberal economy of the country.

Key words: presidential elections, Mexico, neoliberalism, change of power, continuity.